

Эпилог

Славный город Киото, был заполнен людьми. Древние стены города, казалось, снова обрели свое величие. Крики и шумы людей, заполнили каждую щель, каждую улицу, вдохнув жизнь угасающему городу.

Наступившая эпоха смут, отрицательно повлияло на этот вечный город. Потеря власти императоров, а затем и сегунов, повлекли за собой последствия, увлекая за собой в этом водовороте славный город Киото, пристанище некогда выдающихся людей.

Лишь седовласым старикам было известно, каким был город в прежние времена. Во времена, былого величия и рассвета страны. Ныне, столица хоть и была блеклой тенью былого могущества, но казалось, счастливая звезда древнего города снова зажглась с коронацией нового императора.

Словно мотыльки завороченные огнем, стекались в город люди разного возраста и пола. Кто мечтая разбогатеть, а кто мечтая прославиться, отдав свой меч и жизнь служению молодого императора Канске, прозванного друзьями — Богом Войны, а злопыхателями — демоном Акала.

Каждый день, сотню людей трудились в поте лица, чтобы по быстрее закончить ремонт императорского дворца. Оставалось лишь установить и покрасить лаком мифических драконов на крышах дворца.

— Ради всех богов! Быстрее!

Торопили начальники своих подчиненных. Хотя, этих возгласов не требовалось, каждый из них старался на славу, подстригаемый мыслью, что на них взирает сам император.

Лучи солнца, освещавшие этот летний день, настигли молодого императора на балконе. Сузив глаза, он не сразу привык к свету. Ведь до этого момента, здоровье не позволяло не то чтобы выходить за пределы дворца, но и прогуливаться по комнате.

Стоя на балконе, упершись на перила, Ямамото Канске не находил покоя. Крики и отголоски суеты, казалось он был далек от них, предавшись своим воспоминаниям.

В огромном зале собрались все видные деятели страны. К немалому удивлению не только Канске, но и сегуна Асикага Ёситэру, на коронацию пришли великие князи, вняв зову бывшего стратега дома Такеда.

— Гляди, сколько отважных людей собралось по одному твоему слову, — чуть не мурлыча, прошептала принцесса Митохиса.

Белокурые длинные волосы и милое личико девушки, казалось всё в ней светило от

переполненного счастья. Канске не мог укорить её в этом, ведь до этого дня её не признавали императрицей...

— Ты всё ещё думаешь, что они признают меня своим императором? — тихим голосом ответил ей парень.

На что, девушка лишь улыbnулась, не желая вступать в спор. По правде говоря, Канске не узнавал её. И дело было не в том, что Митохиса кардинально изменилась. Просто, хладнокровность и прагматизм уступили в ней, оставляя больше наивности. Хотя, как предполагал парень, Митохиса упорно игнорировала его болезнь и скорую смерть, отдавшись полностью своей мечте.

— Слава и долгой жизни императору! — словно в хмелю, услышал он голоса своих подданных.

Подданных, это слово обрело для него иной смысл. Пожалуй, смерть была бы не плохой концовкой, по сравнению с новыми обязанностями. К довесок ко всему, в новом для себя роле Канске уже не мог все цело довериться прежним соратникам и в частности Такеде Харуне. Ведь приближая её и клан Такеда, он как император отталкивал остальных от себя.

Подобные действия могли плохо закончиться, ведь великие кланы могли увидеть в этом угрозу для себя.

— Канске, ты сможешь обуздать князей истроишь великую империю, — прошептала Митохиса, не отнимая своего взора от князей, которые в свою очередь кланялись им двоим.

Поклонившись, гордые князи не отрывали глаз от Канске, будто пытаясь сохранить его облик в памяти. Ведь в ту пору, каждый был уверен в скором смерти императора.

Канске не знал, сколько времени простоял на балконе. Как только лучи Солнца прогнали тень от дворца, лаская его лицо, парень встрепенулся, будто прогоняя воспоминания и пробуждаясь ото сна.

— Канске — сама, вам вредно долго находиться на ногах, — услышал он мелодичный голос.

Обладательница голоса не замедлила появиться возле него, но лишь на столько, насколько позволяло в этом деле дворцовый этикет.

Луис Фройс, миссионерка, прибывшая из самой Португалии, была в последнее время чуть ли не единственной собеседницей бывшего стратега дома Такеда.

Хоть в её взгляде не была открытой преданности, он быстро привязался к ней. Ей он был обязан чудесным исцелениям, в которых, по правде говоря, всё ещё сомневался. Ну не мог он свыкнуться с мыслью, что полностью отделался от костлявой.

При мысли о смерти, а именно о том, как удивились князи его исцелению, блеклая улыбка поползла по лицу Канске.

— Скажи Лулу, кем ты меня видишь. Я спрашиваю не о том, что говорят обо мне другие. Скажи лишь то, что думаешь...

Если многие и были рады скорому выздоровлению Канске, было и немало тех, кто хотел бы видеть его в могиле. Не удивительно, что в скором времени, поползли слухи, обвиняющие парня в сговоре с нечистыми силами. Европейская медицина, в глазах подданных, была ни чем иным как проявлением колдовства. Что и говорить, простой люд если и не видели ведьму в миссионерке, то во всяком случае видели в ней чужачку.

— Вы выдающийся полководец, но я боюсь, что вас запомнят как и худшего гражданина этой страны, — не колеблясь ответила блондинка.

Культурные различия и видения мира было настолько разными, что выделяли миссионерку из толпы. Порой Канке поражался, как она смогла прожить в этой стране до сего дня, не попав в затруднительные ситуации...

Следую за собеседницей, молодой император вновь ушел в себя. Полностью отдавшись мыслям. Не прошло и полных трех месяцев после коронации, как от него потребовалась вмешательство в дела государства. Лежа на императорской ложе, Канске отдавал распоряжение и указы. Первом на что обратил внимание новоявленный император было сглаживание острых углов между кланами Такеда и Уэсуги.

— В день весенних празднеств, пригласи Кенсина и Харуну в Киото. Поверь, они не упустят эту возможность, — советовал сегун Асикага Еситэру.

Желая избавиться от угрозы своих врагов, сегун тем самым пытался заполучить союзников. Поставив точку во вражде между Уэсуги и Такеда, он тем самым хотел спасти свое положение. Трудно сказать, как ужились бы Канске и сегун Асикага Еситэру. Ведь последний обладал выдающимся умом и амбициями. Желая повелевать над всеми, покончив с врагами, сегун с легкой рукой мог повернуть острие меча против Канске. Но по прихоти судьбы ли или сговору предателей, Асикага Еситэру вскоре был убит кланом Миёси.

Убийство последовало сразу же после мирного соглашения между Уэсуги и Такеда. Пока Канске лежал в беспомощном состоянии на ложе, Митохиса от его лица написала указ, в котором требовала от великих кланов отпущения за смерть сегуна Асикага Еситэру. В этом указе, она также разоблачала заговор кланов Миёси и Ода.

Был ли заговор или нет, но многие кланы приняли сторону императорского двора. Дело было не в том, что великие князи хотели отомстить за убийство сегуна. Но скорее в том, чтобы убрать грозную Оду Нобуну, начать войну за власть, после смерти императора. Ведь в этом случае, победитель мог претендовать не только на место сегуна, но и на императорское ложе.

— Что ты наделала! — кричал на свою супругу Канске.

— Вам нельзя вставать, — хлопотала возле него миссионерка Луис Фройс.

Не смотря на угрозу в голосе Канске, Митохиса не повела и бровью, а лишь заявила:

— Всё что я делаю, я делаю ради нас...

— Убийство сегуна, это ведь твоих рук дело. Ты сговорила с Миёси и затем оставила их одних. Вдобавок, очернила Оду Нобуну, — Канске хоть и догадывался, но вслух никогда не высказывал эти мысли.

— Да...

— Убирайся! Видеть тебя не желаю. Подлая змея...

Не желая ухудшать здоровье Канске, Митохиса удалилась, но за порогом тихо добавила:

— Хочешь ли ты этого или нет, но тебе от меня никуда не деться. Мы вдвоем повинны в этом грехе...

После этого разговора события развевались стремительно. Стало ясно, что Такеда и Уэсуги не успеют на помощь, когда как Ода Нобуна вела свои войска в Киото. Вся страна с замиранием сердце смотрела, чем закончиться эта кровавая драма.

Собрав десять тысяч воинов, Канске вышел наперерез Оде Нобуне. Клан Адзая и другие, лишь на слове обещали скорую помощь, но на деле же выжидали. Император без особой трудности разгадал их замысел. После поражения Канске, они собирались ударить в тыл Оде Нобуне, тем самым украсть победу и господство в стране. Ведь десять тысяч против шести десяти тысячной армий не тот расклад при котором можно надеяться на победу.

Расположившись на холме, Канске велел поднять его знамя. Хоть Оде Нобуне было известно о состоянии здоровья императора, она не спешила вступать в битву. И дело было не в страхе перед грозным стратегом. Будучи гением войны, она не могла не понимать, что победа над Канске лишь отсрочить её гибель. Ведь Такеда и Уэсуги просто так этого не оставят. Не беря расчет кланов Адзай, которые давно желают стереть клан Ода с лица земли.

— Ты ведь знаешь, что тебе не удастся выйти победителем из этого спора, — заявила Ода Нобуна, на состоявшемся переговорах.

— Возможно, но и тебе не долго здравствовать, — ответил Канске лежа на носилках.

После долгого молчания, видя призадумавшееся лицо Нобуны, Канске спросил:

— Если тебе есть что предложить, я слушаю. А иначе встретимся на поле битвы...

— Не спеши, демон Акала. Ведь это ты виноват в убийстве сегуна. Но несмотря на все твои злодеяния, я хочу предложить тебе мир.

Сказать, что парень был удивлен этим, значить приуменьшить его потрясение.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я могу закрыть глаза, если сегуном станет Такеда. Если эта плата за воцарение мира в нашей стране, да будет так. Скажу даже больше, я стану твоим союзником и помогу утихомирить других дайме...

Слыша всё это, Канске понимал, что такая как Ода Нобуна потребует что-то существенное взамен.

— И чего ты хочешь взамен?

— Я хочу земли...

— Если это все чего ты желаешь, я отберу земли дайме на которых ты укажешь...

— О нет, славный, непобедимый Канске. Ты меня не понял. Я не хочу властвовать над жалкими кланами. Я хочу владеть целой страной...

— Но...

Видя, как округлились глаза Канске, девушка звучно рассмеялась.

— Вижу что ты наконец то понял меня. Кто сказал что за пределами Ямато не живут люди. Я хочу править в тех далеких землях. Я хочу создать империю, равной которой не было на земле.

После небольшой паузы, Канске попытался вразумить амбициозную Нобуну.

— После междоусобных войн, страна истощилась. Ты просишь о невозможном. К тому же, ты ведь видишь мое состояние. А что если я умру, так и не исполнив наш договор?

— Брось эти отговорки. В землях варваров мы добудем несметное богатства. К тому же, все

кланы Ямато жаждут войны. И тебе лишь надо решит, где она будет. Либо мы единой силой вторгнемся в континент, либо будем воевать друг против друга.

— Признаться, не таких слов я ждал, придя на переговоры. Что же, я помогу тебе в этом, даю слово. И могу поклясться, — тут же добавил Канске, видя ухмылку на лице Нобуны.

— Уверен, под твои знамена встанут много самураев...

— Конечно, так и будет. Но в этой войне мне потребуются лучшие войны.

Слушая слова девушки, Канске не мог понять её веселье.

— Если ты готов принять договор, то знай. Нас поведешь именно ты! Ведь какая эта война, без Бога Войны?

Казалось, вся эта ситуация лишь веселило Оду Нобуну.

— Но что если, недуг заберет все мои силы?

— О я предвижу, что ты поправишься, — более серьезно ответила девушка.

После этой беседы, не прошло и недели, как Такеда Харуна официально стала сегуном. Зыбки мир, казалось укрепилось, и наконец то закончилась эпоха смут.

Ода Нобуна посодействовала, чтобы все самураи и кланы узнали о договоре между ними. Мысль о континенте взбудоражал умы людей. Многим не терпелось отвоевать новые земли и обессмертить свое имя.

Среди тех, кто прибыл во дворец, предлагая мечи своих воинов, был Датэ Масамунэ. Такеда Харуна поручила строительство флота, этому молодому, но весьма талантливому самураю.

— Канске-сама, вы хорошо себя чувствуете?

— Да, Лулу. Спасибо за заботу, — ответил Канске, располагаясь на императорском кресле.

Хоть зал был пуст, но парень уже видел воочию, как собираются здесь представителей всех кланов. Каждый самураи ждал с нетерпением, когда император даст знак и поведет своих воинов на континент.

В эти дни вся Ямато гадала, на кого обрушиться грозный Бог Войны. Многие ставили, что первая волна будет направлена против Китайской империи. И лишь немногие догадывались,

что дружба и переписка с Кореей, это лишь мнимый обман. Ведь сам Хатиман велел обманывать, если дело касалась войны...

В эти дни, воспоминания настигали Канске повсюду. Возможно, так он пытался забыть на время.

В резиденции сегуна в тот вечер собрались все его знакомые и друзья. Все они заняли важные чины, стоя на страже могущество дома Такеда.

Кивнув в знак приветствие им, Канске обратился к Харуне.

— Харуна, ты добила того, чего хотела. Я выполнил свой долг перед тобой.

Взгляд Харуны не был полон теплоты. Казалось она не могла простить ему выбор. Хотя ум и подсказывал, что по воле судьбы стратег выбрал Митохису, сердце девушки не могло этого принять.

— Я и мой клан тебе благодарны, Канске. Благодаря тебе закончилась эпоха смут. Я ни чуть не сомневаюсь, что из тебя выйдет император, которого заслуживают твои подданные...

Парень не мог понять, смеется она или говорить всерьез.

— Я хочу предложить тебе вот что. Хотя мы с Ода Нобуной и пришли к соглашению, но повести воинов на континент должна ты...

— Брось, Канске. Тебе не позволят...

— Чье дозволение я буду спрашивать? — разозлился Канске.

Душа его противилась мысли, что став императором, он был зависим от чужого слова.

Будто поняв все его эмоция, первым тишину нарушила Санада Нобуцуна

— Твоя клятва, учитель.

— Твоя честь, — вторил верный друг, Баба Нобуфуса.

— Твой долг, — ответила Такеда Харуна.

Сидя, в императорском кресле, Канске понимал справедливость их слов. Хотя его и знают как выдающегося полководца и подлого человека, перед своей совестью он был чист. Живя в эпохе смут, он и сам не предполагал, что честь, долг будут для него не пустым звуком.

Не пройдет и года, как весной, собрав огромный флот, самураи двинутся на встречу судьбе. Под предводительством императора Канске, начнется война, которую потомки окрестят Имдинской войной.

<http://tl.rulate.ru/book/2255/347933>